Мирошниченко Евгений Игоревич
(СПбГУ)

Письма Синесия Киренского: эпистолярный этикет и авторская индивидуальность

Во времена Синесия эпистолярная практика далеко не всегда следовала теории (для того, чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить указания 228 параграфа известного учебника по риторике Деметрия Фалерского с практической эпистолографией того времени). Риторика, конечно, активно использовалась в деловых письмах, согласно правилам жанра, часто проникала и в наставительные письма, но в целом пути теории и эпистолярной практики во времена Синесия разошлись настолько, что использование позднеантичных пособий по эпистолярному этикету для анализа эпистолярной практики вызывает существенные трудности и не оправдывает ожиданий. Впрочем, у нас есть всё же возможность обнаружить за топосами и фигурами речи индивидуальность автора, и не только обращаясь к моментам выхода за пределы официальных предписаний. Совершенно очевидно, что существовал также и негласный эпистолярный этикет, меняющийся в зависимости от той или иной эпистолярной ситуации и от адресата.

Эпистолярная ситуация представляет собой особого рода реакцию автора письма на те или иные действия (или бездействие) со стороны адресата. Такая реакция выражается с помощью особых словесных конструктов, в качестве которых выступают различные топосы. Так, например, выражая радость по поводу получения письма, автор может воспользоваться метафорой зеркала и выразить идею присутствия адресата, будто бы отражённого от поверхности письма. Отсюда появилось выражение «письмо – зеркало души».

Естественно, что исходные выражения для того или иного мотива нам не даны в чистом виде, и их приходится реконструировать на основе тех творческих вариаций, которые мы встречаем у эпистолографов IV-V вв. Важно учитывать, что, исследуя выражения, с помощью которых автор передаёт свои эмоции, мы исследуем прежде всего определённые эпистолярные ситуации. За упомянутыми выражениями могут скрываться искренние чувства, а может не скрываться ничего, кроме отсылки к определённому эпистолярным этикетом конструкту.

Проанализировав письма Синесия, мы обнаружили у него следующие эпистолярные ситуации:

- ✓ радость по поводу получения письма (6 случаев),
- ✓ жалоба на отсутствие или редкость писем (12 случаев),
- ✓ оправдание за отсутствие или редкость писем перед адресатом (5 случаев),

- ✓ рекомендации (27 случаев),
- ✓ утешение адресата в трудных жизненных обстоятельствах (1 случай),
- ✓ отправление подарка (2 случая),
- ✓ отправление книг (3 случая),
- ✓ радость по поводу получения подарка (3 случая).

Сопоставление этих цифр показывает, что наиболее часто встречающиеся в письмах Синесия эпистолярные ситуации – это рекомендации или ходатайства перед адресатом за какого-либо знакомого или близкого. Недаром Гипатия, по свидетельству самого же Синесия, называла его ἀλλότριος ἀγαθός (Ep. 81, 12)[1]. Характерно также, что случаев жалобы на отсутствие или редкость писем у него в два раза больше, чем радости по поводу их получения. Трагичность фигуры Синесия проявляется в том, что в последние годы жизни он действительно был многими оставлен («меня оставили и дети, и друзья, и благосклонность всех, и, самое главное, божественная твоя душа» – пишет он Гипатии в 10 письме), не получал писем даже от близких друзей и умер, по-видимому, всеми забытый.

Рассмотрим первые две из вышеупомянутых эпистолярных ситуаций, поскольку они наиболее характерны для дружеских и личных писем и наименее официальны, благодаря чему мы могли бы с большей долей вероятности ожидать в них проявления авторской индивидуальности.

1. Радость по поводу получения письма (Laus epistolae acceptae)

Традиционно эпистолографы выражали свою радость по поводу получения письма, используя такие слова и выражения, как «ἡδόμην», «διάθεσις τῆς ψυχῆς», «ἀνέγνων ἡδέως» и др. Так, например, в одном из писем Василий Великий пишет: «Καὶ τοῖς γράμμασιν ἐντυχὼν τῆς τιμιότητός σου ἡδίων ἐμαυτοῦ καὶ εὐθυμότερος ἐγενόμην» (Ep. 211, 1-2).

Если попытаться реконструировать исходный вид такого выражения (на основе эпистолярных источников IV – V вв.), то мы получим следующую формулу: ἡδόμην τῶν γραμμάτων (ἐπιστολῶν) σοῦ. Далее, согласно этикету, следовало раскрыть, в чём именно проявлялась указанная приятность письма. Как правило, автор восхвалял красоту слога и добротность содержания, а также говорил о том, какую пользу его душе принесло чтение полученного письма.

---

[1] Оригинальный текст «Писем» Синесия цитируется по критическому изданию Дениса Рока и Антонио Гарциа: *Synésios de Cyrene*. Correspondance. T. 1-2. Texte établi par A. Garzya, traduit et commenté par D. Roques. Paris, 2000. Ссылки на «Письма» даются внутри текста. В скобках указывается первой цифрой номер письма, второй цифрой – номер строки (по указанному изданию). Перевод мой.

Во всех шести случаях, относящихся к данной эпистолярной ситуации, Синесий весьма далеко отходит от такого способа выразить радость по поводу получения письма. Даже в наиболее последовательном и традиционном ответе в письме к Пилемену (101), он, высказав ожидавшиеся по этикету формулы, переходит к подробному описанию того, как восприняли письмо Пилемена киренцы, тем самым оживляя и дополняя своё письмо. Свою реакцию на полученное письмо Синесий выражает так (используя параллелизм и гомеотелевт: ψυχῆς / γλώττης): «Ταύτην [= τὴν ἐπιστολὴν σοῦ] ἀνέγνων ἡδέως ἅμα καὶ ἀγαμένος· ὠφείλετο γὰρ τὸ μὲν τῇ διαθέσει τῆς ψυχῆς, τὸ δὲ τῷ κάλλει τῆς γλώττης» (101, 1 – 4).

Но на этом Синесий не останавливается и превращает своё письмо в небольшой энкомий, восхваляя как умение иронизировать, так и добродетель адресата (101, 21-24). Такая развёрнутая похвала – случай у Синесия уникальный. В остальных случаях он гораздо сдержаннее в выражении подобных эмоций. Возможно, такая сдержанность связана с социальным статусом адресата, а также со степенью близости его к автору. Так, Пилемен был константинопольским другом Синесия, лицом официальным и к тому же, вероятно, военным. По-видимому, отношения с Пилеменом были достаточно близкими, но всё же в какой-то степени формальными. Характерно, однако, что остальные пять случаев laus epistolae acceptae относятся к более близким друзьям юности, и они менее формальны. Там Синесий позволяет себе бóльшую свободу и вариативность выражений. Так, дважды Синесий радуется письмам Олимпия, дважды письмам Геркулиана, близким друзьям по александрийской школе, и один раз письму константинопольского друга ритора Троила.

2. Жалоба на отсутствие или редкость писем

Жаловаться на адресата за то, что он редко пишет или перестал писать вообще, принято было так, чтобы не столько упрекнуть, сколько показать, насколько автор жаждет этих писем. А эта жажда в свою очередь должна была свидетельствовать о тех тёплых чувствах, которые испытывает автор к адресату. В этом смысле такого рода письма наполнены словесной игрой, обусловленной данной эпистолярной ситуацией. Определить авторскую индивидуальность в таких письмах бывает непросто. Как правило, автор использует заготовленные заранее фразы, лишь немного варьируя слова.

Синесий часто нарушает эпистолярный этикет в письмах к близким родственникам и друзьям. Например, в письме к сестре и её мужу Феодору (в основном, письмо обращено к Феодору) (7) Синесий помещает традиционные упрёки не в начало письма, как это было принято, а в конец. В другом родственном письме мы обнаруживаем более снисходительное отношение к недостатку писем со стороны адресата. В письме к дальнему родственнику (двоюродному брату) Диогену (23) Синесий совершенно беззлобно журит адресата за то, что тот позабыл своего родственника и не шлёт ему писем.

В таком же искреннем тоне написано 8 письмо (к брату Евоптию). Автор пишет брату (и всем его домашним), упрекает его за то, что тот пишет редко. При этом данная эпистолярная ситуация отличается от обычных. Синесий начинает свои упрёки с того, что с обидой заявляет брату, как его, Синесия, праздничные письма были не замечены адресатами, как они пренебрегли ими и решили, что это ниже их достоинства, «вспомнить о брате» (8, 3-5). Это письмо содержит обиду и жалобу на собственную жизнь (8, 6-9), о чём в письме обычно не принято было говорить.

Ещё более интересным является другое письмо к брату (109), где он жалуется на отсутствие писем в весьма завуалированной форме. В начале этого живого по стилю письма Синесий объявляет, что у него нет ни коня, ни мула, ни осла, на котором он мог бы приехать к Евоптию, потому как все они находятся на пастбище. Не найдя животного, Синесий хотел было пойти пешком (брат Синесия жил в портовом городе Фикусе, в 25 км. от Кирены), но домашние стали отговаривать его от этого (аристократу-де неприлично передвигаться пешим). Но и на этом Синесий не остановился: он попытался сбежать, не послушав домашних, но те силой не пустили его, «ухватившись за плащ». И вот только перепробовав все варианты, Синесий отправляет брату это, «замещающее его», письмо. Кажется, что Синесий оправдывается перед братом за то, что не смог приехать к нему в гости. Последние строки, однако, показывают нам, что цель его письма совсем другая: «Εἰ μὲν οὖν ἕκαστα σαφῶς ἔχουσαν ἐπιστολὴν ἐκπέμψεις, ἕξω κατὰ χώραν· εἰ δὲ μή, καὶ σύ με μέμψῃ περὶ τοῦ δρόμου» (109, 19-21).

В ряде писем Синесий не просто благодушно упрекает адресата за невнимание к себе, а ещё и жалуется на свою жизнь (например, в 10 письме, к Гипатии). Здесь Синесий напрямую связывает отсутствие писем от Гипатии и от своих александрийских друзей с теми несчастьями, которые на него обрушились. В этом письме мы обнаруживаем редкий для эпистолографии того времени мотив собственных бед и несчастий. При этом изысканность выражений не заслоняет от нас искренности и глубокого трагизма чувств, которые пытается передать автор своему адресату (10, 10-15).

Подобным же образом жалуется на свою жизнь Синесий в письме к Проклу (70). В этом письме Синесий говорит о глубоко личном, в частности о смерти сына (70, 4-5). Завершает письмо Синесий просьбой прислать ему в качестве утешения письмо (70, 7-8). Несмотря на формальную эпистолярную ситуацию жалобы на отсутствие писем, это письмо звучит трогательно и искренно: личная горечь, выраженная в словах о смерти ребёнка, как бы разрывает привычную шаблонную речь. Автор письма не столько жалуется на недостаток писем, сколько на отсутствие утешения в реальном человеческом горе, которое с ним произошло. Не приходится сомневаться, что перед нами не литературный герой, а тот самый,

настоящий «исторический» Синесий, невозможность постижения которого постулировала одна современная исследовательница[2].

Весьма своеобразно упрекает в редкости писем Синесий Олимпия (133). Вот, пишет Синесий, я получил твоё письмо, но оно всё изъедено червями, а буквы стёрлись от времени, так долго оно до меня шло. Всё это похоже на ежегодную дань. Чтобы этого не было, Синесий советует писать чаще. И в пример ставит себя: я, говорит он, не упускаю ни одной возможности с оказией отослать тебе письмо. Поступай и ты так же. Такая необычная форма жалобы на редкость писем связана, очевидно, как с особенно высоким чином Олимпия, так и с его мировоззренческой близостью с Синесием, так что последний не преминул воспользоваться случаем для того, чтобы выразить своё красноречие и поиграть словами.

Как мы видим, в данной ситуации Синесий использует более разнообразные мотивы и выражения, чем в ситуации laus epistolae. Его авторская индивидуальность проявляется с большей оригинальностью в ситуациях, окрашенных в минорные тона, что, конечно же, не является случайностью. Легко подделывать выражения радостных чувств, но искренняя скорбь и печаль гораздо естественнее находят себе выражение в словах письма к близким людям.

Таким образом, «Письма» Синесия представляют собой произведение весьма персоналистического характера, во многом выходящее за пределы, обозначенные эпистолярным этикетом того времени.

[2] *Harich-Schwarzbauer H.* Zum Werkcharakter der Briefe des Synesios von Kyrene // Synesios von Kyrene. Politik – Literatur – Philosophie. Ed. By H.Seng and L.M.Hoffmann. Turnhout, 2013. S. 107.